

Виктор Фламмер

ФЛАГИ НАД ЗАМКАМИ

Москва
«Снежный Ком»
2019

УДК 82-32
ББК 84(Рос-Рус)6
Ф70

Серия «**Настоящая фантастика**» основана в 2010 году
Ведущий редактор *Глеб Гусаков*
Дизайн серии *Катерина Довжук*

Фламмер, Виктор

Ф70   Флаги над замками: роман / Виктор Фламмер. — М. : Снежный Ком М, 2019. — 368 с. — (Настоящая фантастика).

ISBN 978-5-6041334-9-1

Вряд ли Александр Одоевский по прозвищу Сандер, сын богатых родителей, мог предположить, чем обернётся студенческая дружба с японцем Токугавой Ёситадой.

А обернулась она не просто поездкой в Японию, но и чередой зловещих тайн, среди которых дух-оборотень мононоке, охотящийся на людей — не самая страшная. Древние родовые распри и проклятия, неожиданно материализовавшиеся в современной благополучной стране, порождают клубок странных событий и загадок, а героям приходится совершать необычные поступки и делать трудный выбор.

«Флаги над замками» — фееричный сплав научной фантастики, мистики и истории средневековой Японии. Читайте и удивляйтесь вместе с героями книги!

УДК 82-32
ББК 84(Рос-Рус)6

ISBN 978-5-6041334-9-1

© Фламмер В., 2019
© «Снежный Ком М»
(ИП Штепин Д. В.), 2019
© Оформление: Курхули М., 2019

Глава 1 ВОЗВРАЩЕНИЕ

Холодно. Какое это непривычное ощущение — чувствовать собственный холод. Словно он по-прежнему мальчишка-сотник, от которого шарахаются в страхе собственные солдаты. Тогда ночью он так же поднял руку и смотрел, как тает покрывающий ее иней, стекая каплями по запястью.

Он снова чувствует эти капли: они медленно ползут по коже, оставляя мокрые дорожки. Он видит эти дорожки и отблеск огня светильников на влажной ладони. Он ощущает запах благовоний и слышит тихое бормотание где-то там, внизу.

Настоятель. Вот он, прямо перед постаментом, уверенно и спокойно произносит священные слова сутры, соединив руки перед грудью. Его тело мелко дрожит от холода или страха, или всего вместе, тело — но не голос.

Голос настоятеля он знает хорошо. Хотя впервые слышит его ушами. Не многие могут говорить с ками¹. Этот человек может. Даже среди монахов такое редкость. Это значит, что в крови настоятеля тоже течет сила.

А может, и ничего не значит. Он, Като Киёмаса, не слишком хорошо разбирается в монастырских порядках.

Като Киёмаса. Он едва сдержался, чтобы не рассмеяться, вспомнив, как звучит его имя. Звучит на человеческом языке. Языке живых людей. Человеческое имя.

Есть ли имя у настоятеля? Надо будет спросить.

---

¹ Ками — в синтоизме духовная сущность, божество. Выдающиеся люди могут своими поступками заслужить божественный статус. Токугава Иэясу, Като Киёмаса и многие другие выдающиеся деятели почитаются в Японии как ками.

Потеплело. Монахи у потрескивающей светящейся сферы в углу повернулись и посмотрели на него с нескрываемым ужасом. Плохо. Надо взять себя в руки. Тем более они у него теперь есть.

Он поднял руки и помахал ими в воздухе. Настоятель перестал бормотать, открыл глаза, и в них плескался такой неземной восторг, что Киёмаса не выдержал и рассмеялся. И шагнул вниз с постамента. Можно подумать, этот человек увидел своего ожившего бога. Можно подумать.

— Мой великий господин Дзёотиин¹...

Босые ступни коснулись пола, и Киёмаса развернулся настолько резко, что монах отшатнулся.

— Като! Господин Като! Привыкай, монах! — рывкнул он и от души хлопнул настоятеля по плечу.

И наклонился, внимательно его рассматривая:

— А впрочем... «Великий господин» можешь оставить. Мне нравится.

В святилище царил полумрак, а воняло так, что хотелось проломить стены и впустить сюда хоть немного воздуха. Зачем эта дурацкая атрибутика? Он и без всяких древних ритуалов прекрасно откликался, когда его призывали. Впрочем... может, это нужно монахам, чтобы настроиться? Нанюхаться дыма и... Киёмаса снова огляделся по сторонам. Очень непривычно — не ощущать больше этих стен и дверей, ламп и статуй. И не чувствовать, как судорожно бьются сердца собравшихся здесь людей. Их много вокруг, еще бесконечные мгновения назад он видел их души и слышал их мысли. Души, переполненные чистым восторгом предвкушения, и мысли, мечущиеся под коробками их черепов, — страх, неуверенность, беспокойство.

Ну еще бы. А сам бы он как себя вел, если бы ожидал прихода Великого Нитирэна² в святилище, которое для него

---

¹ Дзёотиин — посмертное имя Като Киёмасы.

² Великий Нитирэн — японский монах, основатель буддистской школы Нитирэн-сю, приверженцем которой был Като Киёмаса. Нитирэн особо выделял сутру Священного Лотоса, считая, что она может обеспечить счастье Японии и ее почитателям.

же и построил? Так что глупо, нехорошо смеяться над слабостями других, если сам не смог стать совершенством.

Или смог? Людям виднее.

И только одна душа, что светилась ярче всех, интересовала его сейчас. Мысли этого человека были спокойны и безмятежны.

Находился он, хоть и поблизости, но на достаточно безопасном расстоянии.

Не обращая больше ни на кого внимания, Киёмаса шагнул под своды длинного коридора, соединяющего святилище с остальными храмовыми постройками. Сюда никогда не допускались обычные посетители, и он надеялся, что хорошо запомнил дорогу и не заблудится в этом лабиринте. Он больше не чувствовал чужих душ... Разучился...

Зато он теперь видел, слышал, ощущал запахи и даже холод. Обычный холод неотопливаемого коридора. Низкий потолок нависал прямо над головой — если протянуть руку, то можно коснуться плотной бумаги в белом квадратике стены...

Киёмаса прикоснулся и тут же отдернул руку. Это не бумага. Это что-то холодное и скользкое, как стекло.

...или не разучился? Совсем рядом он ощутил спокойное обволакивающее тепло. Ну уж нет! Теперь эти штучки с ним не пройдут! Рывком раздвинув створки дверей, Киёмаса почти ввалился в небольшое, закрытое со всех сторон помещение. Человек, стоявший перед огромным, на полстены, зеркалом, обернулся с легкой улыбкой:

— Я очень рад приветствовать тебя, старый друг.

Киёмаса оглядел его с ног до головы. Дурацкие узкие штаны и хаори¹ с рукавами, словно приклеенными к запястьям. А из-под хаори виднелся воротник, больше напоминающий ошейник. Одежда чужестранца. Он знал, точнее предполагал, что сейчас многие одеваются так: проигравшая сторона надевает одежду победителя. Но... Но больше

---

¹ Хаори — японский жакет прямого покроя без пуговиц, надеваемый поверх кимоно или с хакама — традиционными японскими длинными широкими штанами.

смущала не одежда, а возраст этого человека. Нет, не таким он его видел в последний раз.

— Мне нужна одежда. И конь. И мое оружие.

Человек в ответ весело расхохотался, тряся плечами и прикрывая губы ладонью. Киёмаса нахмурился и шагнул вперед, нависая над ним.

— Не злись, я смеюсь не над тобой. Просто вспомнил один фильм, иностранный... Тебе тоже нужно будет изучить современную культуру, она весьма любопытна. И одежду ты, несомненно, получишь, все давно готово. Не можешь же ты показаться своим потомкам в таком... хм... виде. И оружие тебе дадут. А вот с конем... об этом мы поговорим позже.

Киёмаса сделал еще один шаг, приблизившись к собеседнику почти вплотную. И поднял руку на уровень его груди, пошевелив пальцами, будто намеревался сомкнуть их на его шее.

— Не заговаривай мне зубы, тануки¹. Тебя же не смущает мой вид, старый друг? А я очень, очень хочу знать, что Токугава задумали на этот раз.

— Дамы и господа! Наш самолет совершил посадку в международном аэропорту Пулково...

Дальнейший текст объявления потонул в шуме аплодисментов. Сандер открыл глаза и поморщился. Он давно забыл об этой дурацкой традиции — хлопать команде, посадившей самолет. Или люди таким образом просто избавляются от стресса и радуются, что их не взорвали террористы и не подстрелили украинцы?

Он просил стюардессу разбудить его перед посадкой. Полноватая мулатка тогда поулыбалась и предложила виски. Умом она явно не блистала: он же ясно выразился «разбудить», а значит, собирался спать, а не пить. Ему нужно экономить силы: Андрюха не будет слушать жалобы на усталость после перелета. И от лишнего алкоголя стоит себя пока поберечь. Поэтому Сандер сразу после пересадки

---

¹ Тануки — енот-оборотень, прозвище Токугавы Иэясу.

в Хельсинки надел повязку и пропал из окружающего мира, назло всем террористам.

Он отстегнул ремень и потянулся, похрустев спиной. Хотя это и бизнес-класс, но кресло — не кровать, а двадцать три года — не шестнадцать, когда они с Андрюхой ночевали под мостом где-то около Рязани, а сиденье старого раздолбанного КамАЗа казалось райски удобным...

Сандер улыбнулся. Интересно, как сейчас выглядит Андрюха? Не отрастил ли пивное брюшко? По скайпу он видел только его широкую круглую мордашу и вечную довольную ухмылку.

К счастью, очередь за багажом оказалась меньше, чем Сандер ожидал. Поймав свой чемодан, он поставил его на колеса и неспешно покотил к выходу.

— Саня-я-я! Тормо-оз!

Он оглянулся. Со стороны входа, на бегу хватая со столика мобильный телефон и, по-видимому, ключи, к нему приближался Андрюха. Точнее, господин Андрей Нечаев — назвать Андрюхой этого солидного мужика наверняка мало у кого повернулся бы язык. Высокий, но худой и нескладный, сейчас Андрюха раздался в плечах, но нет, никакого пуза не отрастил. Наоборот, стал выглядеть гораздо спортивнее, чем пять лет назад. И одет был хоть и в джинсы со свитером и торчащей из-под него синей рубашкой, но покупалось все это, определенно, не в дешевом магазине.

А вот лицо не изменилось. Впрочем, эту морду Сандер лицезрел не далее как полсуток назад на экране своего телефона. И на этой самой морде красовалась она, неподражаемая Андрюхина улыбка.

— Ты, блин, чебурашка пришибленная! Тащится, как удав по стекловате! Бегом! — Андрюха сграбастал его за плечи и поволок к выходу. — Пятнадцать минут бесплатная парковка! Если опоздаем — пятисотку снимут. Совсем озверели!

Он схватил чемодан Сандера и вприпрыжку кинулся к дверям. Сандеру ничего не оставалось, как последовать за ним.

Но поспеть за трясущимся за свои кровные пятьсот рублей Андрюхой было не так-то просто. Когда Сандер вышел

из здания аэропорта, Андрей уже заталкивал его чемодан в багажник огромного оранжевого крузака. И, нет, это не был какой-нибудь, прости господи, паркетник, что вы! Настоящий ФДжи, с огромными колесами и бездонным салоном, в котором, при большом желании, можно было разместить лошадь.

— Андрюха... — осведомился Сандер, подходя к машине и складывая брови домиком, — скажи мне, старый друг, тебя что, батя покусал?

— Так, не умничай! — Андрюха втянул товарища в пахнувший кожей и почему-то водкой салон и захлопнул дверь.

— У нас минута. Полетели! — Он газанул с места и, отчаянно вращая глазами, понесся к выезду с парковки. Едущее навстречу такси испуганно попятилось и прижалось к обочине. А внедорожник, взвизгнув, затормозил возле шлагбаума. Андрюха сунул в прорезь талон и — о чудо! Шлагбаум медленно пополз вверх.

— Й-й-эс! — Андрюха хлопнул себя кулаком по колену и повернулся к Сандеру. — Видал? «Ба-а-тя покусал»... Что б ты в тачках понимал, америкос, — он хохотнул. — А я, между прочим, фермер! Понял?

— Понял-понял. Ты мне вот что скажи, фермер, у тебя водярой откуда прет?

— А... — Андрюха принял, — блин! Вот блин! — Он съехал на обочину и остановился. И перегнулся назад.

— Точно. Грохнул одну. Мать ее... — Он повернул к Сандеру расстроенное лицо. — Надо будет по дороге заехать еще купить, остановимся.

— По дороге куда, Андрюх? — Сандер вздохнул. Не то чтобы у него была хоть малейшая надежда, что друг отвезет его домой, но кто может запретить человеку, вернувшемуся с учебы из далекой страны в родные места, хоть немного помечтать?

— Как куда? На базу, конечно! Я ж тебе не сказал разве? Там все ждут уже. И батя, и Настюха, в общем, все наши. Ну да, а как ты думал? Я за тобой поехал и за водкой. А так — шашлык, баня, Ладога... Красота?

— Угу, красота... — Сандер вздохнул и посмотрел другу прямо в глаза. — М-м-м, а ты точно ничего не забыл?

— А? А что? — Андрюха вытаращился на него, и его лоб пошел глубокими складками.

— Медведя, Андрюх. Ты забыл медведя. Поехали!

Ёситада наклонился над раковиной и плеснул в лицо ледяной водой. Потом еще. И еще. Потер щеки и снова подставил руки под струю. Вдохнул, выдохнул, набрал воды в рот, прополоскал его, чтобы избавиться от ненавистного ментолового привкуса. Не помогло: язык и горло жгло так, словно он завтракал в корейском ресторане.

Нет, даже в таком ключе не стоит думать о завтраке. Рано, еще слишком рано — желудок уже не содрогался от спазмов, но болел сильно, а в горле стоял противный колючий ком.

И проклятый ментол. Сколько он съел тех бесполезных конфет? Десяток? Больше? Какая разница, все они в той или иной форме попали в розовый, пахнущий клубникой пакет. Какой идиот придумал ароматизировать пакеты? Человек и так не может справиться с собственным желудком, а тут ему еще предлагают на выбор яблоко или банан. Впрочем, вероятнее всего, это придумали ради заботы о соседях несчастного страдальца — самому ему уже ничем не поможешь.

Конечно же, наученный прошлым, невероятно горьким опытом, Ёситада принял все меры предосторожности. Ничего не ел аж за пять часов до посадки в самолет и принял снотворное еще в зале ожидания, да такое сильное, что уснул, едва защелкнув ремень безопасности.

...Чтобы проснуться через два часа как раз над Тихим океаном. Разумеется, он выбрал место подальше от окон, но авиакомпания позаботилась не только о пакетах. В спинку впереди стоящего кресла был вмонтирован экран. И спутниковая карта предстала перед Ёситадой во всей своей красе. С четким указанием высоты и глубины того места, над которым они сейчас пролетали.

Поэтому сначала ему принесли ингалятор, так как он начал задыхаться. Потом плед, потому что его трясло так, что,

наверное, остальным пассажирам показалось, что они попали в турбулентный поток.

Конфеты и пакет были уже позже, когда обслуживающий персонал лайнера понял, что он не собирается умирать прямо сейчас.

«Неужели такой молодой и симпатичный юноша настолько боится упасть на землю?» — слегка насмешливо поинтересовалась у него пожилая соотечественница с соседнего кресла. Ёситада не помнил, что именно он ей ответил и ответил ли вообще. Впереди было еще двенадцать часов ада. Нет, как раз упасть он совершенно не боялся. И идея выпрыгнуть из самолета неоднократно посещала его голову за эту кошмарную бесконечность, которую он провел, зависая в пустоте. Ведь одиннадцать километров! Одиннадцать километров было только до поверхности воды. Примерно через час Ёситаде стало казаться, что земли под ним нет и никогда не было.

При этом, разумеется, суворексант, снотворный препарат нового поколения, продолжал действовать. Спать хотелось до одурения. Врач, выписавший рецепт, сказал, что на его памяти с этим лекарством ни разу не было сбоев. Видимо, Ёситада оказался первым — надо будет написать доктору. Или судиться с фармацевтической компанией.

Хотя, может, он и правда проспал большую часть полета, и ему снилось, как он летит над Тихим океаном с розовым клубничным пакетиком в руках.

Ёситада поднял голову и вытер лицо плотной матерчатой салфеткой. Сойдя с трапа самолета, он еле подавил в себе позыв броситься на родную землю и целовать ее. Хотя бы за то, что она есть.

Зеркало отразило слегка зеленоватое изможденное лицо, обрамленное торчащими во все стороны ярко-рыжими прядями.

«Анимешка», — называла его Оливия. Он напоминал ей персонажа японской мультипликации. Замученная, несчастная дурацкая анимешка... Надо написать Оливии, что он долетел. Она знает, как он переносит полет, и беспокоится.

Звякнул телефон. Ёситада взял его с полочки и открыл сообщение. И улыбнулся слегка печально. «Я знаю, что тебя не съели акулы, потому что я та акула, которая уже давно сожрала тебя».

Увидит ли он когда-нибудь Оливию еще раз? Вероятнее всего, нет, и она это тоже прекрасно понимает. Его беззаботная юность, полная приключений и романтики, осталась там, за ограждением аэропорта имени Джона Кеннеди. Теперь все будет совершенно по-другому. «Служить семье». Ёситада поморщился, снова криво улыбнулся и быстро набрал:

«Увы, я не рыба
И даже не птица, скользящая в небе.
Змея. Но зато на земле».

Нажав «отправить», он убрал телефон в задний карман брюк и вышел из туалета.

На парковке его ожидала черная «Хонда-Легенд». Сато, личный водитель и доверенное лицо господина Токугавы Ёримицу, стоял возле дверей, вытянувшись, как сухой бамбуковый стебель. При виде Ёситады он молча согнулся в слишком глубоком поклоне, и на мгновение показалось, что его худая спина сейчас треснет пополам. По мнению Ёситады, Сато давно было пора отправиться на заслуженный отдых, — еще ребенком он помнил водителя бабушки глубоким стариком. Но сейчас он несказанно был рад видеть этого человека. Сато потрясающе умел молчать не только языком, но и глазами. И словно умел читать мысли. Когда Ёситада был мальчишкой, это пугало его. А сейчас он знал, что Сато отвезет его именно туда, куда нужно, — в небольшую квартиру в Эдогаве. Там Ёситада не был уже пять лет, но он не сомневался, что все осталось на своих местах. И что окна с прекрасным видом на реку тщательно вымыты, а на кровати — чистое постельное белье. Стоит ли заказать еду по дороге? Или потом, когда он наконец выпится?

Громкий щелчок за спиной отвлек Ёситаду от размышлений. Он обернулся и тут же зажмурил глаза, ослепленный

вспышкой. Кулаки сжались сами собой, и он медленно, четко разделяя слова, произнес:

— Я же ясно сказал: никто не должен знать, когда я прилетаю.

Сато тоже повернулся в сторону фотографа. На его лице появилось такое выражение, будто он сейчас выхватит из-за пояса несуществующий самурайский меч. Он шагнул вперед и протянул руку к наглому журналисту:

— Отдайте камеру, господин.

Тот отошел на пару шагов и снова защелкал камерой. Вспышка за вспышкой, прямо в глаза. Ёситада представил, как вскоре вот эти фотографии, где он с темными кругами под глазами, взъерошенный и мокрый, разлетится по всей сети, и ярость раскаленной тягучей лавой поползла по его позвоночнику вниз. Он хотел броситься за наглым папарацци и отнять у него камеру силой, ударить, в конце концов, но понял, что не может сделать шаг.

И в эту секунду земля вздрогнула. Сейсмодатчик на столбе взорвался сигнальной сиреной, фотограф пошатнулся, попятился, споткнулся и шлепнулся на цветную плитку тротуара. Камера выпала из рук, и осколки брызнули во все стороны.

Ёситада выдохнул и оперся рукой на капот машины, чтобы сохранить равновесие. Но этого не понадобилось. Снова стало тихо, словно ничего и не произошло. Только попискивала предупреждающе сирена сейсмодатчика, показывая амплитуду толчка.

«Родная земля помогает мне даже в таких мелочах». Ёситада сморгнул выступившие слезы и сел в машину. Все-таки нужно будет заказать еду по дороге.

Слова приветствия, которые, без сомнения, от всего сердца произносил Като Такуми, девятнадцатый прямой его потомок и глава рода Като, Киёмаса благополучно прослушал. Самое нужное и важное из сказанного он и так знал, а именно: все эти имена и титулы никакого значения теперь не имеют. Замок, его замок, который он строил семь

лет, собственноручно прорисовывая каждую балку на чертеже, отняли еще у его сына. И спалили в придачу. Поэтому предложение посетить замок он отверг, пожалуй, излишне резко. Не стоило пугать своего пра-пра... кого-то там. Мало того что они, эти люди, живущие в современном мире, напрочь забыли, что такое настоящие страх и опасность, так еще и ростом его потомки едва доставали ему до груди: и отец семейства, и сыновья. Самых младших членов семьи ему обещали показать позже, когда они доберутся до Нагато. Там находилось имение Такуми и, судя по всему, кузнечная мастерская, которой тот владел. Что же, гордиться потомками ему явно не приходилось, но и стыдиться тоже было нечего. Его отец был кузнецом, и Киёмаса не считал такую работу зазорной. Да и про то, что самурайского сословия больше нет, он отлично знал. А нынче и армию порядочную его стране запрещено иметь. И именно этот вопрос он очень хотел обсудить с Иэясу, который, как всегда, очень ловко ушел от разговора, сославшись на то, что встреча с потомком — важнейшая часть церемонии.

Одеждой Киёмаса остался доволен. Ткань нижнего ко-содэ¹ была из простого хлопка, но при этом удивительно хорошего качества — мягкая и легкая. А хакама были украшены вышивкой, да такой красивой и яркой, что Киёмаса сначала даже нахмурился, не спутали ли его с девицей. Но счел, что это церемониальный наряд и позже ему дадут что-то другое. И очень надеялся, что это не будет похоже на костюмчик Токугавы.

Нет, все же... Он бы в жизни не узнал Иэясу в таком виде, если бы встретил его случайно на улице. И ладно бы одежда — старик Токугава был до неприличия молод. Киёмаса не дал бы ему больше тридцати лет.

Он задумался. А как же выглядит он сам? Чувствовал он себя превосходно — сильным, молодым и здоровым. Может, он тоже похож на мальчишку? Он попытался припомнить,

---

¹ Косодэ — нижнее кимоно, традиционно считавшееся нижним бельем.

как выглядел в том зеркале, возле которого стоял Иэясу, но внезапно понял, что не видел там своего отражения. Только стену. Ладно, об этом он спросит потом.

— Где мое оружие? — наконец задал он самый важный вопрос.

Такуми низко поклонился и махнул рукой. Двое монахов, одетые в такую же странную одежду, как и те, кто колдовал в святилище, поднесли длинный, украшенный резными узорами ящик. Такуми взял его, положил на столик и открыл, поклонившись на этот раз тому, что он там увидел. И только затем, взяв лежащий в ящике меч, протянул его Киёмасе.

Тот принял меч, выдернул его из ножен и взмахнул клинком в воздухе. Да, это действительно один из его мечей. Что совсем не плохо.

Если не считать того, что ему нужно было его копьё. Этот меч, острый и удобный, разлетелся бы на осколки, призови Киёмаса сейчас свою силу.

А коня, видимо, придется растить самому. Именно на это, похоже, намекал Токугава.

— Проводи меня в мои покои, потомок. Я хочу привести себя в порядок и принять фуру¹. И пусть мне принесут еды и сакэ, я хочу говорить со своим... — он подобрал слова, — старым другом.

Мини-отель Иэясу выкупил полностью на неделю. Он не знал, насколько долго затянется церемония: у его людей — ученых, которые занимались разработками, сам Иэясу был первым опытом. И получится ли что-нибудь с другим ками, до конца было не ясно. Однако, будучи ками, Като Киёмаса исправно откликался на призывы и молитвы, обращенные к нему, и с ним удалось договориться. Дальнейшее зависело уже от техники и ученых, которые все это и придумали.

Радовало, что подошла кровь. Род Като прервался. По сути, нынешний глава был провозглашен таковым формально и не являлся прямым потомком. Тем не менее, судя по

---

¹ Фуру — традиционная японская ванна.

всему, его кровь вполне подошла. По крайней мере, внешне Като Киёмаса выглядел точно таким же, каким его запомнил Иэясу. Впрочем, он помнил его едва ли не с детства.

Очень хорошо, что Като настроен доброжелательно. Если бы он хотел напасть — уже бы напал. Значит, поверил. А теперь предстоит убедить его и дальше сотрудничать. Ну ничего, первый разговор — самый важный, тем более что бывший ками еще толком не привык к своему новому телу. И даже если он придет в ярость...

Иэясу остановился возле двери, ведущей в номер, отведенный для Киёмасы. Они постарались сделать обстановку привычной для человека, покинувшего этот мир четыреста лет назад, но все же оставалось еще многое из того, что могло сильно удивить или озадачить. Не потому ли Киёмаса уже больше двух часов не выходит из номера?

Иэясу дернул ручку и осторожно приоткрыл дверь. Киёмаса вполне мог стоять с обратной стороны, пытаясь понять, как она открывается.

Впрочем, нет. Он бы ее давно выломал.

В номере никого не оказалось. Иэясу успел мысленно отереть пот со лба, представив, что Киёмаса ушел один гулять по городу, но тут из ванной комнаты раздался шум воды.

Иэясу улыбнулся. Действительно, как он мог об этом не подумать. Вода.

Он подошел к двери ванной и прислушался. И собирался было уже открыть рот, чтобы предложить Киёмасе покинуть-таки фуру, но тут дверь резко отъехала в сторону, и Иэясу с ног до головы окатила струя воды.

— Видел?! Ты видел?! Она сама течет! И на тебя тоже! А на стену — не течет! И на полку. А на меня... — Киёмаса поднял розетку душа над головой, и поток воды обрушился ему на макушку. — Вот! — Он фыркнул, отплеываясь, развернул душ к стене и помахал им в воздухе.

— А так — не течет! — с гордостью объявил он и провел рукой под розеткой. Струя снова хлынула на пол, и без того по щиколотку залитый водой. Видимо, система слива

не была рассчитана на то, что кто-то будет лить воду прямо на пол.

— И еще, смотри! — Киёмаса повесил душ на крючок и поволил под ним руками. — Видишь: не течет! А знаешь, где она?! Вода?

Иэясу вздохнул. Он знал. Но расстраивать Киёмасу не хотелось.

— Вот она! — Тот провел рукой под носиком крана, и струя полилась ему на руки.

— Я повелеваю водой! — Он снова схватился за душ, но Иэясу на этот раз был настороже и увернулся.

— Для тебя это новость, Киёмаса?

— Да нет, — Киёмаса расхохотался. Мокрая церемониальная одежда прилипла к его телу, а с волос вода текла прямо на лицо.

— Это почти как у Кобаякавы Такакагэ! Нет, даже, наверное, он так не умел! Как это сделано? Ты знаешь? О... — Киёмаса внезапно осекся и бросил душ на пол. — Только не говори, что там, в подвале, сидит человек, владеющий силой воды. И это он? Вот до такого дошло?

— Тихо. Успокойся, — Иэясу вздохнул, увидев, как вода на полу начала подергиваться тонкой корочкой льда, и повторил, шагнув назад: — Успокойся, никто ничем не управляет. Это современный водопровод. За тобой наблюдают и перекрывают воду, когда она тебе не нужна. Разве тебе этого не объяснили?

— Объяснили. А кто следит? Где? — Киёмаса заозирался по сторонам.

— Не знаю, потом поищешь. Тебе во многом нужно разобраться, ты помнишь?

— Помню. Но все же хорошо, что наделенные силой не набирают воду в фуро для гостей. Это было бы слишком. Я не согласен жить в таком мире.

Иэясу вздохнул еще глубже:

— Мне кажется, ты не совсем понял, Киёмаса. Похоже, что в этом мире владеющих силой осталось двое — я и ты.

Тщательно вытерев полотенцем волосы, Киёмаса протянул его Иэясу и завернулся в юкату¹ с вышитыми по подолу журавлями и бамбуком. И прошел в комнату, где на столике стояли заказанные сакэ и угощение.

— Ну вот. Сейчас сядем, выпьем и как следует все обсудим.

— Вот оно как... — Иэясу отер лицо, повесил полотенце обратно и хитро прищурился. — То есть беседовать мы будем у тебя?

Киёмаса медленно повернул голову и усмехнулся:

— А что тебя смущает, старый друг? — Он снова выделил голосом слово «друг». — Ты давно не сёгун, да и сёгуна-та больше нет. И ты не Великий Бог Востока теперь. К чему разводить церемонии?

Иэясу нахмурился было, но тут же рассмеялся:

— Что же... я рад, что ты согласился принять мое приглашение. Без тебя этот мир был намного скучнее. К тому же это ведь мой дом, не так ли? Не все ли равно, где обедать?

Киёмаса откинулся, опершись спиной о стену, и тоже рассмеялся:

— Тануки... Все перевернет с ног на уши.

— Я рад, что мы поняли друг друга. Прости, мне нужно переодеться в сухое, я сейчас вернусь. А ты наливай пока. Да не жалея — разговор будет долгим.

— Можешь себе представить: они все считают, что я тебя отравил.

— Что? Кто считает? — Киёмаса с нарочитым подозрением повертел в руках чашку и бутылочку сакэ и хмыкнул.

— Люди. Так пишут во всех книгах, показывают в фильмах.

— В фильмах? — Киёмаса повторил незнакомое слово по слогам. Он уже второй раз услышал его от Иэясу — видимо, оно было довольно важным.

---

¹ Юката — традиционная японская одежда, представляющая собой летнее повседневное хлопчатобумажное, льняное или пеньковое кимоно без подкладки.

— Ну да. Я тебе потом покажу. Это гравюры, только движущиеся. И люди, и события выглядят на них настоящими.

— Это как? — Киёмаса недоуменно наморщил лоб.

— Я же обещал, что покажу. Это не объяснить словами. Так вот. Я хотел сказать: я очень рад, что ты не держишь на меня зла.

— Эй! Это что, правда, что ли?! — Киёмаса замер, не донеся чашку до рта. — Ты совсем из ума выжил на старости лет? Я тебе живым нужен был как никому! Или... — Он отставил чашку в сторону и наклонился вперед, широко распахнув глаза. — Или ты господина Хидээри отравить хотел?!

— Тихо... спокойно. — Иэясу поднял руку и выставил ее ладонью вперед. Рукав его юкаты медленно заколыхался почти перед самым носом у Киёмасы. — Никого я не травил. И не собирался. Ты сам сказал: я еще не выжил из ума. Я собирался править этой страной не один год, и мой род тоже. Мне едва удалось замять это дело: ты умудрился заболеть сразу после того приема. Но если бы умер юный Хидээри — тогда бы мне точно не отвертеться. А вот ты на самом деле хотел меня убить. Скажи мне, ты бы пустил в ход свое оружие, которое прятал под одеждой? А я доверял тебе — тебя даже не обыскали.

— Нет, убивать я бы тебя не стал. А вот взять в заложники... взять в заложники тебя и вывести господина Хидээри я бы успел. Все делают глупости. Особенно плененные соблазном решить все одним махом. А уж сохранить доброе имя... не очень ты о нем заботился там, под Осакой¹.

— ...Значит, все-таки не простил... — Иэясу вздохнул глубоко, всем телом, и прижал руку к губам.

— Простить? Я? Господин Хидээри звал меня, стоя в огне! Я слышал это! Слышал, но ничего не мог сделать, когда твой сын расстреливал его убежище из пушек! — Киёмаса

---

¹ Осака — имеется в виду вторая осакская кампания, в результате которой род Тоётоми Хидэёси, прежнего властителя страны, был уничтожен, его сын, Тоётоми Хидээри, совершил самоубийство в горящем замке Осака, а к власти окончательно и на долгие годы пришел род Токугава.

привстал и треснул кулаком по полу так, что чашки и тарелочки на столике зазвенели.

— Ты не мог! Ты был мертв! А я... был жив! — Иэясу вздрогнул, и губы его задрожали. Он снова прижал к ним ладонь и, сильно кусая себя за палец, уставился на Киёмаса внезапно остекленевшим взглядом.

Киёмаса вздохнул и опустил голову.

— Вернись назад. Все уже кончилось. Даже пепел давно глубоко в земле. Ты сказал, что я не держу на тебя зла. Ты прав. И что тебе мое прощение? Не оно тебе нужно. Хидэтаде — вот кому бы я задал парочку вопросов. Что же ты сына своего любимого не вернул? А?

— Ты ведь знаешь. Он отказался от поклонения, сочтя, что недостойн его¹. И где сейчас пребывает его душа, не известно даже мне.

— А душу господина Хидээри? Думаешь, ты сможешь отыскать ее?

— Он проклял меня перед смертью. И душа его до сих пор не знает покоя. И именно для этого мне нужен ты. Он ответит, если ты позовешь.

Киёмаса наконец-то поднес чашку к губам и выпил саке. Налил и тут же снова залпом выпил. И вытер губы тыльной стороной ладони.

— И стоило ради этого воплощать меня? Ками куда легче найти неупокоенную душу, чем человеку.

— Ты не понимаешь, — Иэясу покачал головой, — моя цель не просто получить прощение и вернуть ему покой. Я хочу подарить ему новую жизнь. Взамен той, которую отнял у него. Я уже полгода в этом мире. И ты знаешь, он прекрасен, и я ни о чем не жалею. Мои потомки сыграли не последнюю роль в том, чтобы сделать его таким. И я хочу, чтобы Хидээри увидел этот мир. А для этого... мне нужна твоя кровь, Киёмаса. Ведь у рода Тоётоми не осталось потомков.

---

¹ Токугава Хидэтада, второй сёгун Японии из рода Токугава и выдающийся деятель, перед смертью отказался от поклонения, сказав, что недостойн его, и не почитался как ками.

Глава 2 ЧТО НОВОГО?

Вода в Ладогe, как всегда, была ледяной. Но Сандер и забыл уже, каково это — после парилки, отхлеставшись веником и обжигая пятки о горячий пол, выскочить на свежий воздух и нырнуть в холодную воду. Словно заново родился. Может, они все и правы? Папа, Андрюха? И это именно то, что нужно, чтобы почувствовать, что он вернулся домой?

— Пивка? — Андрюха прямо в простыне зашел по колено в воду, протягивая Сандеру кружку с темным напитком.

— Не, я квасу лучше. Мне еще водку пить, не хочу мешать.

— Все... Дамы и господа! — во весь свой неслабый голос объявил Андрюха. — Наш друг, сын и брат Александр Одоевский окончательно превратился в янки! Ай! — За вскриком раздался громкий плеск. Сандер хмыкнул, провожая взглядом скрывающуюся под водой белобрысую макушку, и зашагал к берегу. Вслед ему полетела пустая кружка.

— Ты! Гребаный пиндос! — Рев Андрюхи разнесся над водой и был встречен многоголосым хохотом на берегу.

Сандер подошел к накрытым столикам и налил себе квас в пивную кружку. Сделал глоток и довольно зажмурился. Да, вот сейчас как следует навернуть мяса — самое то. А потом и выпить.

Мало что изменилось за прошедшие пять лет в этих местах. Отец совершенно не постарел, разве что слегка раздался в талии, но это было заметно только когда он голым скакал по парной. Настюха из тощей девицы превратилась в большегрудую нимфу, тоже слегка увеличившись в талии и бедрах. Или сестренка беременна? Надо будет спросить у Андрюхи, не хотелось бы попасть впросак.

— Ну ты... блин! — Подошедший сзади Андрюха ощути-мо ткнул его в спину. — Как ты это сделал, вражина? Я даже не заметил, как ты меня завалил!

— Ха, — Сандер картинно отставил в сторону кружку с квасом, — это секретная техника якудза!

— Да ну? — недоверчиво уставился на него Андрюха. — Где это ты в Америке нашел якудз?

— Что б ты понимал... я был лучшим другом главного якудзы Японии! Страшный человек! В Маленьком Токио все падали в ужасе, только слышав его имя!

— Эй, а что ты делал в Токио? Ты же был в Кембридже?

— Это район в Лос-Анджелесе. Я там вел бизнес. Да вот, сам посмотри. — Сандер обтер мокрую руку о красную льняную салфетку, на которой лежал нарезанный лаваш, и взял со стола телефон.

— Во! Смотри! — Он нашел нужную фотку и повернул телефон экраном к Андрюхе.

— А-а-а... в натуре японец! Ты с ним учился, что ли? Выглядит, как полный педик.

— Сам ты выглядишь, как полный педик, — неожиданно обиделся Сандер, — это мой сосед по комнате. Мы учились вместе.

— А чего волосы крашенные? И глаза разные?

— Эх... надел бы ты свой ватник, фермер, — усмехнулся Сандер и потянул к себе шампур с мясом, — это особая, отличительная черта настоящего якудзы. Понял? — Он вцепился зубами в крайний кусок, снял его и, завернув в лаваш, отправил в рот.

На четырех столах, уставленных разнообразной снедью, начиная от соленых огурцов и капусты и заканчивая каким-то кошмарно вонючим и странного зеленоватого цвета сыром, наверняка невероятно элитным, из алкоголя были только пиво, водка и красное вино «Для дам-с», как любил говорить отец. Сам он пил исключительно водку, считая ее, и только ее, «настоящим мужским напитком», и демонстративно морщился и высмеивал тех, кто пил марочный коньяк, а виски именовал не иначе как «самогонка американская».

И только Сандер знал, что на самом деле ничего, кроме водки, желудок отца просто не принимает. Мать тоже знала, но была свято уверена, что мужу тогда, в девяносто восьмом, удалили желчный пузырь.

Может, и удалили — Сандер никогда об этом не спрашивал. Картина, как отец сползает по открытой дверце своего чероки, держась за живот, и красные струйки начинают вытекать у него между пальцев, впечаталась в его мозг навсегда. И голос отца. Шипение. «Саня... на пол...»

Сандер никому не рассказывал об этом. Даже Андрюхе. Да и отец никогда не рассказывал, как распустился огненным цветком бензобак перегородившего трассу крузака и оторванная горящая голова его водителя шмякнулась им на капот. Это была их маленькая тайна.

Сандер налил в стопку холодную, явно недавно вынутую из морозилки водку (видимо, Андрюха вез запас на случай ядерной войны) и подмигнул отцу, поднимая стопку.

— Пей! — прикрикнул на него тот, шлепая ладонью по столешнице. — А то сидишь, как девица на смотринах.

Отец был весьма конкретно не трезв. Впрочем, когда они обнимались возле великолепной Андрюхиной оранжевой тачилы (Сандер не мог называть даже мысленно это произведение японского автопрома как-то по-другому), от отца уже слегка попахивало... ожиданием.

Сандер протянул руку, звякнул своей стопкой о другие, протянувшиеся к нему, и выпил залпом. И закусил ломтиком ветчины. Водка горячим приятным шариком прокатилась по горлу и мягко скользнула в желудок. То, что издавна в народе называлось «хорошо пошла».

— Ма-а-ам! Да сядь уже! — позвал он.

Мама тоже не изменилась совершенно, хотя ее Сандер толком рассмотреть не успевал: маленькая, юркая, похожая на рыжую белку, она постоянно суетилась между столами, что-то нарезаая, подкладывая, выхватывая из рук дяди Игоря шампуры со свежим шашлыком.

— Да-да. Сейчас... еще квасу принесу...

— Сядь, сказали! — рявкнул отец и дернул ее за руку, усаживая рядом с собой. И, не отпуская, второй рукой налил вина в стоящий рядом бокал. — Сын приехал, а ты его встретить нормально не можешь. И так жратвы — за неделю не съешь.

— Дюшка за день справится, — засмеялась за спиной Настюха и тоже уселась на лавку, перекинув через нее ногу. — Ну, давай, рассказывай. Как ты там Америку открывал?

Отец тем временем встал и пошел в домик. И вернулся оттуда спустя пару минут с небольшим футляром в руках. Снова сел за стол и постучал по нему, привлекая внимание. Футляр он положил рядом.

Сандер покачал головой. Его начали терзать недобрые предчувствия.

— Сегодняшний вечер я бы хотел продолжить, так сказать, официальной частью, — заговорил отец, убедившись, что все на него смотрят. — Все знают, что мой сын, Александр, сегодня вернулся домой. Окончив с отличием Гарвардский университет! Мы все по праву гордимся этим человеком: и тем, что родили, вырастили его, дружили с ним и прочее и прочее... — Он рассмеялся, и его смех потонул в аплодисментах, а Сандер мысленно взмолился, чтобы на этом «официальная часть» и закончилась. Но нет. Отец поднял в воздух футляр и, дождавшись, когда хлопки смолкнут, продолжил:

— И поэтому я считаю, что пришел наконец долгожданный час. Именно сегодня я хочу передать тебе, Александр, мой сын и наследник, нашу старую семейную реликвию.

Он открыл футляр и извлек из него японский кинжал. Сандер закатил глаза и подпер подбородок ладонью.

— ...Как известно, мой прадед, Виктор Одоевский был дворянином и офицером царской армии. Он прошел Русско-японскую войну, где и получил в качестве трофея этот японский офицерский кортик, а также был героем Гражданской войны, разумеется, со стороны истинных патриотов России! И, несмотря на то что был вынужден покинуть родину, когда родной стране снова угрожала опасность, он, как истинный патриот...

— ...решил во Второй мировой войне не участвовать, как впрочем, и вся остальная Франция, а вернуться на родину уже после, пока все были хорошие, — закончил за него Сандер и, снова закатив глаза, развел руками.

Над столами повисла гнетущая тишина. Только слышно было тихое шуршание волн Ладоги по песку.

— Что ты сказал?.. — Отец недоуменно посмотрел на него и даже слегка приоткрыл рот.

— Я сказал: хватит сочинять, папа. Никогда, ни дня в своей жизни наш предок не воевал. Он был комендантом концлагеря для японцев, а потом переводчиком в штабе. И с этими же японцами и уплыл. А этот танто¹ он забрал у японца, который им закололся в плену. И диплом у меня самый обычный, могу показать. А в «Теодолите» я не буду работать даже курьером. Я тебе об этом уже не раз говорил.

Тяжелый дубовый стол покачнулся, и с края посыпались вилки и огурцы. Отец захрипел, и его лицо налилось кровью.

— Охренел совсем там, в америках своих — так на меня быковать?! — Скамейка полетела в сторону.

— Витя! Витя! — Мать повисла у него на руке, но отец стряхнул ее и, приблизившись вплотную к Сандеру, размахнулся, метя кулаком в лицо.

И только тогда Сандер наконец поднялся.

— Придурки... два сапога... идиоты... — Мать свернула в три четверти мокрое полотенце и протянула его отцу.

Тот прижал его к челюсти и усмехнулся одной стороной губ. — Мать... свали, не причитай. Кто тебя драться учил?

— Друг. — Сандер облизал разбитые костяшки пальцев и тоже усмехнулся. — Мама, принеси водки.

— Правильно мыслишь... — Отец нахмурился и зыркнул из-под бровей. — Ну ты и скотина, Саня. Я ж для тебя все это...

— Что — все?

— Ну, вот это. — Отец повел рукой вокруг.

Сандер огляделся. Несколько домиков, кусок берега, ого-роженный забором, — «базу» отец купил незадолго до его отъезда, и Сандер еще не знал, приносит ли это место хоть

---

¹ Танто — короткий меч самурая.

какую-то прибыль или используется отцом исключительно для отдыха.

— Ты мне что, хотел эту дачу подарить, что ли? — усмехнулся Сандер.

— Дурак ты... Я помру — чья компания будет? Настькина?

— А ты не помирай... Не хочешь Насте — внуку передашь.

— Тоже заметил... Эх... внуку. Нечаев он будет, а не Одоевский. Понимать надо. Сань... ты ж один у меня сын... почему ты так поступаешь?

Мать принесла нераспечатанную бутылку и две стопки. И, коротко кивнув, ушла наводить порядок на столе. Сандер откинулся спиной на стену домика и протянул руку:

— Дай полотенце.

Забрав, откупорил бутылку и начал поливать ворсистую ткань.

— Э-э! — возмущенно завопил отец. — Не переводи продукт!

Он отнял у Сандера бутылку и приложился к горлышку.

— Вот, возьми, прижми к щеке. А то говорить завтра нормально не сможешь.

— Угу. — Отец забрал у сына полотенце и сунул тому в руки бутылку.

Сандер подумал немного и наклонил бутылку над стопкой, наблюдая, как густая струя наполняет ее до краев.

— Знаешь кто я, папа? И кто ты?

— Ну? — Отец поднял взгляд.

— Ты — человек, который в семнадцать разгружал машины с кроссовками на Апрашке. А в моем возрасте уже имел с десяток таких машин. А сейчас — я даже не буду перечислять то, что принадлежит тебе сейчас. «Теодолит» — одна из ведущих компаний в своей отрасли. А я? Сынок богатого папочки, поехавший учиться в Гарвард на деньги отца. Вот скажи, есть чем гордиться? А? Ты бы собой гордился? А отцом таким? А я тобой горжусь, пап, понимаешь?

— Понимаю... — Отец потрепал его по волосам. — Понимаю... Дать бы тебе в морду все же как следует.

— Ну дай. — Сандер усмехнулся и опрокинул залпом содержимое стопки.

Ёсатада поднял руку, взглянул на часы и поправил рукав рубашки. Ему показалось, что на нем образовалась складка. И снова огляделся. С одной стороны, этот лифт ужасно его раздражал и временами даже пугал — кабина была почти полностью зеркальной. Кроме пола, но и он был отполирован до блеска. Создавалась полная иллюзия, что висишь в пустоте. Впрочем, существовали лифты и похуже, например полностью прозрачные. С другой стороны, у этого лифта было неоспоримое преимущество — можно рассмотреть себя как следует, даже со спины. А значит, заметить любой непорядок в одежде, обуви или прическе, если таковой имелся. И вовремя исправить. Потому что неряшливости дедушка не терпел. Не терпел настолько, что за недостаточно аккуратную прическу сотрудники вылетали даже из совета директоров. Кто знает, может тот, кто разрабатывал дизайн этого лифта, и правда был движим заботой о людях.

Ёсатада увольнения не боялся, но и не хотел раздражать дедушку сильнее необходимого. А лифт тем временем остановился и бесшумно распахнул створки, представляя вниманию Ёсатады просторный коридор двадцать восьмого этажа, где находился головной офис «Китаханы». И кабинет дедушки. Сердце компании. Ёсатада вышел из лифта и ступил на глянцевый дорогой паркет. Стилизация под древность. Именно стилизация, легкая и ненавязчивая, дерево только устилает пол, все остальное — сталь, пластик и стекло. И огромное панорамное окно с фонтаном и диванчиками возле него. Для посетителей.

Которые оказывались здесь не особенно часто. Телевизор, обычный для таких холлов, отсутствовал. Что должно было подчеркивать, во-первых, традиционность, а во-вторых, серьезность посетителя, желающего попасть на прием к господину Токугаве Ёримичу. То есть, если ты серьезный человек и тебя интересует бизнес, а не развлечения, смотри фонтан. Или в окно.

Ёситада в окно смотреть не любил. Да и задерживаться тут не планировал. Он прекрасно знал, что еще сильнее, чем опрятность, дедушка ценит пунктуальность. Поэтому снова взглянул на часы, помедлил несколько секунд, еще раз оглядел свое отражение в черной полированной двери кабинета и ровно в 12:00 распахнул ее, перешагнув через порог.

И одновременно повернулось большое черное кресло возле панорамного окна, по размерам едва ли не большего, чем то, которое украшало коридор.

В детстве Ёситада думал, что дедушка отсюда управляет городом. Как в фильмах. Сейчас Ёситада понимал, что в детстве не слишком ошибался. Токугава почти век назад отказались от любого участия в политике. Официального участия. И ни разу не нарушали данного слова.

Но разве не знает даже ребенок, что настоящую власть держит в руках не правительство? Истинные правители страны — хозяева крупных корпораций.

Масштаб «Китаханы» не настолько грандиозен. Но это была лишь одна из компаний, принадлежащих семье Токугава. И Ёситада прекрасно знал, зачем он сюда пришел. Осталось совсем немного времени до той неизбежной поры, когда он сам должен будет сесть в это кресло.

Тогда он первым делом распорядится, чтобы на окно повесили... что-нибудь. Например, экран из десятимиллиметровой стали.

С некоторым содроганием, впрочем, исключительно внутренним, он шагнул на середину комнаты. Или, скорее, небольшого зала. Дедушка любил проводить заседания совета именно здесь, в своем кабинете. Кресла, предназначенные для посетителей, прятались в нишах, из которых готовы были выехать, как только понадобится...

...и наброситься на тебя.

Ёситада едва заметно сглотнул и ощутил непреодолимое желание расправить слишком тугой галстук. Но вместо этого склонился в глубоком почтительном поклоне.

— Приветствую тебя, дорогой внук, — услышал он слегка надтреснутый, но привычно спокойный и уверенный голос.

— Я прибыл, мой господин. — Ёситада медленно выпрямился и встретился взглядом с сидящим в кресле пожилым человеком. — И готов приступить к своим обязанностям. — Он немного помолчал и добавил: — Но волосы красить я больше не буду. И линзы носить — тоже.

Ему показалось, что даже воздух в помещении замер и загустел настолько, что стал слышен шум ветра за окном. Но Ёситада смотрел дедушке прямо в глаза. Не отводя взгляда. И эту гнетущую тишину нарушила череда четких редких звуков. Сухих и трескучих, как автоматная очередь в дешевом кино. Дедушка также смотрел на него, не отрываясь, — двигались только руки. «Хлоп. Хлоп. Хлоп».

Ёситада не выдержал и посмотрел вниз. На пол. Стараясь не зацепить взглядом экран.

— Я не ожидал от тебя другого ответа. Я много размышлял: что ты скажешь, какими будут твои первые слова? И не ошибся. Скажи ты что-нибудь другое — я бы крепко подумал, сажать тебя в это кресло или повременить еще десяток лет. Присядь. — Господин Ёримицу сделал приглашающий жест рукой, и одно из кресел выехало из ниши и подкатилось к ногам Ёситады. Тот осторожно опустился на мягкую замшу и наконец-то вздохнул. Дедушка обожал современные технологии и зрелищные фокусы. И оставалось только гадать, подаст ли кофе робот-секретарь или чашечка сама выскочит из столика.

Но Ёситада не угадал. Бесшумно открылась дверца в стене, и совсем юная девушка в деловом сером костюме с совершенно непроницаемым лицом внесла поднос. Расставив чашки на столе, она так же тихо исчезла, словно растворилась в стене.

...Впрочем, кто сказал, что она не робот?

Ёситада едва заметно улыбнулся. Формальности были закончены.

— Ну? А как сам считаешь? Ты готов? — Господин Ёримицу похлопал ладонью по столу.

— Это огромная честь для меня. И нельзя быть к этому готовым. Мне предстоят еще годы и годы учения искусству

управления у вас. И все-таки, я прошу ответить на мой вопрос. Почему я? Почему не мой отец?

— Потому что он не Токугава. И такому, как он, не место в этом кресле. Понимаешь меня? — Негромкий голос хозяина компании тем не менее эхом разнесся под сводами зала.

— Да, — коротко выдохнул Ёситада.

— Хорошо, — господин Ёримицу кивнул, — ты должен понимать. Ты мой внук. А тот человек так и не стал мне сыном. А ты? Почему ты сам не хочешь встретиться с отцом?

Ёситада потупился.

— Говори, не смущайся. Я знаю, что ты не навестил Самико с тех пор, как вернулся. Потому что ждешь, когда отец уедет из дома по делам. Ты хоть звонил ей?

— Конечно, разумеется... — смутился Ёситада. Он и сам очень хотел как можно скорее повидать маму, но она не считала пристойным посетить без мужа даже собственного сына. Она, вероятнее всего, просто не хотела ссоры ни с кем из них.

— Я... и отцу звонил тоже. Но ему нет дела, где сейчас Митоко. Он не хочет этого знать. О чем мне с ним говорить?

Господин Ёримицу поднял одну бровь:

— А, на мой взгляд, это похвально, что он так увлечен работой и не смотрит развлекательные каналы. А без твоей сестры сейчас не обходится ни одно приличное шоу.

— Вы смотрите выступления Митоко? Вы? — потрясенно спросил Ёситада.

— Конечно. Девочка отлично поет и замечательно танцует. И кто еще, кроме меня, проследит, чтобы малышку никто не обманул? И не обидел?

— Но... — Ёситада изумленно хлопал глазами, — но это вы лишили ее нашей фамилии! Почему? Если вы понимаете, что сцена — это ее жизнь?!

— А ты не кричи на меня, юноша, не кричи. Жизнь, без сомнения, принадлежит Митоко. А вот фамилия — моя. Подумай об этом как следует. Но позже. А сейчас мне нужно рассказать тебе об очень важном событии. Которое, вероятно, изменит дальнейшую судьбу нашей семьи. И я хочу

познакомить тебя кое с кем. Как только он решит свои личные дела и вернется в Токио.

«Зеркало» оказалось вовсе не зеркалом. Киёмаса сосредоточенно рассматривал черную гладкую поверхность такого же прямоугольника, возле которого он увидел Иэясу в первый раз.

— Да, да. Это он. Монитор. Жидкокристаллический.

— Чего? — Складка над переносицей Киёмасы стала еще глубже. — Жидкий? Он что, жидкий, что ли? — Он протянул руку, потрогал гладкую скользкую поверхность и довольно улыбнулся. — А-а-а! Лед! Да?

— Ну... почти, — рассмеялся Иэясу, — это на самом деле стекло. Только не обычное. Помнишь Зеркало Морского Дракона?

— Помню. Оно показывало прошлое и будущее.

— Ну вот. Это что-то вроде. В общем, я знаю, нервы у тебя крепкие, поэтому просто отойди и смотри. Хорошо? И ничего не трогай — это всего лишь картинки.

— Что я, дурак, что ли? — обиделся Киёмаса. — Я же не хочу, чтобы крабы откусили мне пальцы!

Иэясу снова рассмеялся и поднял плоский черно-серебряный прямоугольник. Киёмаса попытался понять, что Токугава делает, но внезапно «зеркало» засветилось и откуда-то полилась тихая мелодия. Киёмаса закрутил головой, пытаясь понять, где находятся музыканты. Наверняка они замаскированы ширмой — его светлость очень любил такие шутки, а Киёмаса любил отгадывать такие загадки.

— Не ищи. Тут никого нет. Откуда звук, ты поймешь позже. Смотри на экран. Вот сюда. — Иэясу протянул руку, указывая, куда нужно смотреть.

На том, что он назвал «экраном», появилось изображение замка. Его, Киёмасы, замка, настолько правдивое, что Киёмасе показалось, будто он смотрит в окно. Он как замороженный устался в «экран». Картинка задвигалась, и он едва не вскрикнул от неожиданности, но показывать перед лицом Иэясу удивление или страх... Нет уж. Хитрый тануки

никогда не поймает его на слабости. Поэтому Киёмаса слегка поджал губы и одобрительно покачал головой:

— О! Это зеркало — превосходная, достойная вещь, я бы и сам хотел себе такую же. Наверное, стоит целое состояние?

Иэясу махнул рукой:

— А, брось. Это ничего не стоит. Небольшой подарок тебе. Смотри, я тебе покажу, как оно работает.

Картинка с замком снова поплыла, поворачиваясь разными ракурсами, потом замок оказался снизу, а Киёмаса смотрел на него с такой высоты, что у него слегка закружилась голова. И он увидел, что замок стоит в самом центре города. Странного, непривычного города.

Киёмаса не знал, как выглядят теперь человеческие города. Он просто ощущал, что с каждым годом людей вокруг его святилища становилось все больше и больше. Он слышал их мысли, их молитвы и просьбы. И именно из них узнавал, как все это время менялся мир. Но это уже начало забываться, покрываться легким туманом, словно сон, который он помнил, но не более.

А вот эти картинки — они настоящие. Киёмаса, не отрываясь, следил за изображением, которое разворачивалось перед ним. Огромные каменные дома, по сравнению с которыми его величественный когда-то замок казался игрушкой, множество сверкающих стальных повозок, снующих туда-сюда по отличным гладким мощеным дорогам. И люди. Везде толпы людей в разноцветной, непривычной одежде.

Губы Киёмасы растянулись в довольной улыбке, и глаза увлажнились:

— А ведь они неплохо живут, да, Иэясу? Смотри! Они выглядят довольными!

— Да, Киёмаса, да. Ты отлично справлялся все эти годы. Оберегал своих людей и защищал их. — Иэясу коснулся пальцем блестящей поверхности прямоугольника, который он держал в руках, и изображение замерло. — Я расскажу тебе, на что похож современный мир. И покажу.

«Ты моя бесконечная ночь,
Ты мой закат и рассвет...» —

разносилось по коридору.

Эту песню Иэясу знал почти наизусть: очень популярная в этом месяце, она звучала отовсюду. Из приемников проезжавших мимо машин, в магазинах, кафе. «Ты мой закат и рассвет...» — раздавалось едва ли не из каждого второго телефона, прежде чем владелец подносил его к уху.

И — из покоев Като Киёмасы. Четыре комнаты было в его номере, и окна двух из них выходили во двор. И Иэясу, вылезая из машины и отпуская водителя кивком головы, ничуть не сомневался — Като Киёмаса прекрасно разобрался с подаренной ему техникой.

Ты растаешь в моих лучах,
Я замерзну в твоих объятьях...

Иэясу постучал в дверь номера.

— Киёмаса! — крикнул он, но ответа не последовало. Он дернул за ручку, открывая дверь. И глубоко вздохнул, оставившись на пороге.

Киёмаса сидел посреди комнаты, скрестив ноги, и таращился на экран огромными удивленными глазами. Пальцы его рук, лежащих на коленях, слегка подергивались, рот был приоткрыт, и по подбородку стекала струйка слюны.

— Киёмаса... — снова позвал Иэясу, осторожно приближаясь. Но тот сидел, все так же уставившись в экран ошарашенным немигающим взглядом.

Да, зрелище и правда было завораживающим для человека, видевшего что-то подобное в первый раз. На экране по залитой разноцветными огнями сияющей сцене скользила юная девушка. Серебристый, почти зеркальный шелк ее длинных одежд отражал все огни, направленные на нее. Длинные волосы, уложенные на макушке и украшенные сияющими камнями, спускались ниже пояса и золотом струились по ее телу, прячась в складках одежд. Певица будто двигалась по лунному лучу, поднимаясь все выше и выше

над сценой. Голос тоже был неплох. Иэясу закатил глаза, покачал головой, наклонился, поднял пульт и тронул кнопку посередине.

Девушка исчезла, и на экране появилась заставка — плывущие над морем облака.

— Госпожа Луна! — взревел Киёмаса, вскакивая. — Ты! Ты что наделал?! — Он выхватил из рук Иэясу пульт и принялся тыкать в него пальцем. Но ничего не происходило: Иэясу не только нажал «стоп», но и заблокировал сенсор, ожидая такой реакции.

— Где? Госпожа Луна?! — Киёмаса в отчаянии развернулся к экрану, словно ожидая, что девушка появится там опять.

— Прекрати, Киёмаса, — слегка скривил губы Иэясу, — это не живое выступление. Я найду тебе запись этого концерта, и хоть всю ночь сиди со своей «госпожой Луной».

— Иэясу! — Верхняя губа Киёмасы дрогнула, обнажая зубы, и он сжал кулаки. — Я не хочу эти песни читать! Я хочу слушать! И смотреть, как танцует госпожа Луна!

Иэясу судорожно сглотнул и отступил на шаг. Сердце сжала ледяная ладонь, по спине поползли мурашки. Бежать. Бежать отсюда, пока не поздно. Иэясу попытался вдохнуть, и, к счастью, у него это получилось. Он выставил вперед ладони, и тепло заструилось по его пальцам, сбрасывая с тела оцепенение. И в эту секунду раздался треск, и во все стороны брызнули мелкие черные и серебристые осколки.

— Като! — выдохнул Иэясу и поднял голову, ловя взгляд Киёмасы, но тут же понял, что это уже не нужно: Киёмаса и сам смотрел на него, и в этих, еще мгновение назад прозрачных ледяных глазах, плескались недоумение и обида. Киёмаса медленно поднял руку, в которой только что был пульт, и стряхнул с ладони капельки воды. И виновато посмотрел на Иэясу.

— Как же так?.. — в его голосе звучала растерянность. — Иэясу, как же так?.. Я клянусь тебе: со мной такого лет с двадцати не случалось!

— Ничего... ничего, все в порядке, Киёмаса. — Иэясу поднял руки в успокаивающем жесте и постарался говорить ровно и спокойно, восстанавливая дыхание.

— Это новое тело всему виной. Точнее, то, что ты отвык управлять телом и силой. Немного тренировок — и все придет в норму. Просто пока сдержанней выражай свои чувства. Ты чуть не убил меня! А кто знает, удастся ли моим потомкам фокус с воплощением еще раз. — Он по-доброму весело рассмеялся.

— Точно, — улыбнулся в ответ Киёмаса, но тут же снова нахмурился. — Проклятие, я сломал твой подарок. Нет мне прощения. Как я могу искупить свою вину?

— Ничего ты не сломал, Киёмаса. Это всего лишь пулыт.

— Что?

— Пулыт управления... это... как бы... о! Это как уздечка. Порвав уздечку, ты же не убьешь лошадь, ведь так?

— Ну... да... — Лицо Киёмасы мгновенно просветлело. — И можно купить другую... уздечку, так?

— Так. Сегодня займемся и этим тоже. Раз тебе уж так приглянулась «госпожа Луна», — захихикал Иэясу.

— Ты что подумал, старый тануки?! — возмутился Киёмаса, хватая Иэясу рукой за плечо.

Иэясу увернулся, продолжая хихикать. Вот чем ему всегда нравился этот человек — никогда не перепутаешь, злит-ся он по-настоящему или только делает вид.

А еще он был очень доволен тем, что действие его силы на Киёмасу ничуть не изменилось.

— Ладно. Но — ты видел? Ты видел ее, Иэясу? Ее волосы?

— Видел. Но...

— И что? — перебил его Киёмаса, не дослушав. — Сравни ее волосы и мои! — На лице Киёмасы появилась победная улыбка, и он подергал себя за пучок волос, связанных на затылке. — Ты ошибся, Иэясу!

— Нет, Киёмаса, прости, но боюсь, что ошибаешься ты.

— Я? Ну уж нет. Ты меня не держи за дурака, я тоже кое-что в этом понимаю. Я все детство думал, что я не человек, а выродок и ёкай! Пока мне не объяснили, что я наделен

такой внешностью оттого, что в моих жилах течет кровь богов!

Иэясу смерил Киёмасу взглядом и покачал головой. Даже он, впервые увидев этого человека еще совсем мальчишкой, содрогнулся. Его волосы были подобны остывшим углям костра, подернутым пеплом. Можно было решить, что они просто рано поседели, если бы не его глаза — настолько бледно-голубые, что издалика казались белыми. И само лицо, с резкими, как будто высеченными из куска камня чертами, почти лишенное ресниц и бровей, не отличалось красотой и изяществом. Длинные развевающиеся белесые волосы дополняли картину. А перед боем Като Киёмаса подводил глаза черным, чтобы выглядеть еще страшнее. А если добавить ко всему этому огромный рост... Враги называли его «генерал-дьявол» не только из страха перед ним. Многие и правда верили, что он порождение Махападма-нараки — Великого лotosового ада¹.

Иэясу еще раз помотал головой и печально улыбнулся:

— Боюсь расстраивать тебя. Но у твоей красавицы не настоящие волосы.

— Чего?! — прищурился Киёмаса и сложил руки на груди. — Я что, по-твоему, не способен отличить женские волосы от конского хвоста?

— Я вовсе не об этом говорил, Киёмаса. Несомненно, волосы принадлежат этой девушке. Она просто красит их, чтобы выглядеть необычно и привлекательно. У людей из-за моря часто встречается такой цвет, да ты и сам это знаешь. Разве это означает, что их кровь божественна?

— Пусть так. И ты уверен, что сила ушла из нашего мира?

— Я не знаю, Киёмаса. Но мои дети, то есть мои потомки, даже не слышали о том, что она была. Да и я за полгода не

---

¹ Ад в буддизме — нарака — мир адских существ (нараков), которые подвержены тяжелым мучениям из-за своих кармических деяний. Существует восемь холодных адов. Один из них — Махападма-нарака — Великий лotosовый ад. Все тело трескается от холода, и внутренние органы от страшного мороза тоже растрескиваются.

увидел ничего похожего. Истории про «воина, выступавшего в одиночку против тысячи» они считают сказками.

Киёмаса прикрыл глаза и сжал пальцами подбородок.

— Я тоже считал это сказками, которые рассказывают монахи, чтобы дети не разбегались с занятий по письму. А когда однажды ночью мои солдаты чуть не умерли от холода и страха — ушел в лес и жил там всю осень, уверенный, что мне не место среди людей.

— Я говорю не о простых людях, Киёмаса. Глава моего рода должен был знать. Но боюсь, что именно на моей семье лежит ответственность за то, что произошло.

— Это почему же?

— Долго, очень долго не было войн. И никто не обучал воинов как положено.

— Может, и так... Что же — за этим мы и вернулись, а? — Киёмаса усмехнулся и хлопнул Иэясу по плечу так, что тот пошатнулся.

— Нет. Мы вернулись, чтобы отдать старые долги. И чтобы жить в этом мире как обычные люди. Помнишь, мы именно об этом договорились с тобой и ты дал свое согласие?

— Ну, помню.

— Вот за этим я и пришел. Ты готов к прогулке по городу, Киёмаса? — спросил Иэясу.

— Готов. Я всю ночь рассматривал эти движущиеся картинки, и, конечно, я хочу видеть, как оно все выглядит на самом деле. И эти... самоходные повозки. Я хочу прокатиться на такой! Они быстро ездят? Как лошадь? Быстрее?

— Намного быстрее. Но, думаю, не надо тебе объяснять, что открыто показывать, что ты удивлен, не стоит?

— Иэясу! Я что, по-твоему, неотесанная деревенщина?! — возмутился Киёмаса.

— Нет, что ты. Просто ты иногда бываешь... несдержан. Например, тебе может показаться, что тебя кто-то оскорбил.

— Так пусть не оскорбляют!

— Я же сказал: может показаться. Сейчас очень, очень изменились нравы и понятия о вежливости.

— Так и говори, Иэясу: «Ты никто в этом мире и веди себя так, как будто твоя рука никогда не держала меч».

— Нет, не так... но хорошо, что ты заговорил об этом. Меч. Оружие нельзя носить на улице. Это запрещено.

— Что?! Я должен ходить по улице без меча?! О чем ты говоришь?!

— О том, что тут так принято. Оружие носят только стражники. И потом, неужели ты боишься? Боишься, что в твоём городе на тебя кто-то нападет?

— Я?! Вот еще. Просто... ты бы еще предложил мне прогуляться по улице в одних фундоси¹!

Иэясу снова вздохнул. Его самого около месяца не выпускали на улицу, готовя к встрече с незнакомым миром. Он считал эту предосторожность излишней. И прекрасно понимал, что у Киёмасы попросту не хватит терпения ждать так долго. Ему нужно все потрогать и на все посмотреть своими глазами. Да и самому Иэясу доставляло огромное удовольствие показывать своему современнику этот изменившийся мир.

— Хорошо, — внезапно покладисто проговорил Киёмаса, — я оставлю меч тут. Но взамен обещай мне кое-что.

— Что ты хочешь? — Иэясу слегка насторожился.

— Пообещай мне, что больше никогда не скажешь, что у госпожи Луны ненастоящие волосы!

— Обещаю. Ни слова об этом. — Иэясу на всякий случай снова поднял открытые ладони. — Вот еще что. У меня есть для тебя маленький, но очень важный подарок. Именно этот предмет так же важен для современного человека, как меч для тебя.

— О? Что это? — немедленно заинтересовался Киёмаса.

Иэясу достал из внутреннего кармана куртки плоский прямоугольник размером примерно с ладонь.

— Это что? Еще одно зеркало? Такое маленькое? О-о-о... — Киёмаса наклонился и принялся рассматривать незнакомую вещь. Блестящая полированная поверхность загадочно мерцала.

---

¹ Фундоси — традиционное японское мужское нижнее белье.

— Не совсем. Это куда более нужная и сложная вещь. Но ты справишься, я уверен. Я уже говорил: вся жизнь современного человека — вот здесь, — Он коснулся пальцем края «зеркала», и на нем появилась картинка — все тот же замок. Только в снегу и ранним вечером.

— Возьми.

Киёмаса осторожно принял в ладонь эту хрупкую вещь. Он боялся вздохнуть лишний раз, чтобы не повредить ненароком странное сокровище.

— А теперь смотри. — Иэясу достал из-под куртки точно такое же «зеркало» и потыкал пальцем в экран.

Хрустальный прямоугольник в руке Киёмасы словно ожил. Он подхватил его двумя руками, чтобы не уронить, и озадаченно моргнул, когда вместо замка появилось лицо Иэясу. В некотором недоумении Киёмаса повернул голову.

— Вот. Смотри, видишь тут такой кружочек? Я сейчас выйду в коридор, а ты после этого коснись его пальцем.

— Да... — протянул Киёмаса, глядя на экран и стараясь ничего не упустить. Когда за Иэясу закрылась дверь, сделал так, как тот и говорил.

Внезапно изображение ожило. Иэясу на картинке заулыбался и спросил:

— Ну как? Ты меня хорошо слышишь?

Киёмаса завертел головой. Нет, голос Иэясу из коридора не мог доноситься настолько отчетливо. Он раздавался из этой плоской штуки. Киёмаса осторожно сжал ее в руке и бросился в коридор.

— Эй! Чертов тануки! Как ты это делаешь?!

Глава 3 О НАУКЕ И СТРАННЫХ ИДЕЯХ

Ёситада прошел за низенькую бамбуковую ширму и с наслаждением опустился в мягкое кресло. Водителя он отпустил еще утром, а собственным автомобилем пока не обзавелся — сначала нужно получить права: международные не

действительны на его родине. Поэтому, не желая толкаться лишний раз в общественном транспорте, несколько кварталов от станции до ресторанчика, в котором была назначена встреча, он прошел пешком. И понял, насколько отвык от пеших прогулок. Но ему нравилось тут — модное смешение традиционного и европейского стилей позволяло расслабиться и чувствовать себя максимально удобно.

— Что-нибудь желаете?

Ёситада вздрогнул. Он совершенно забыл о хостес, которая отвела его к столику и положила перед ним три книжечки меню в кожаных переплетах. Солидные, увесистые тома. Когда Ёситада был здесь в прошлый раз — меню было одно. И этаж — тоже один. А сейчас он насчитал их не менее трех, по крайней мере, именно на третьем и оказался забронированный им столик. Что же, это говорит только о том, что качество кухни и обслуживания как минимум осталось прежним.

— Горячий шоколад с мятным сиропом, пожалуйста. И ванильно-банановый коктейль.

Он проводил взглядом хостес и открыл меню. Голоден он особенно не был, но по местному рамену очень скучал. И темпуру¹ из морского леща следует заказать обязательно. Ёситада отметил это блюдо в меню и внезапно рассмеялся. Когда-то в доме Токугава его было запрещено подавать. Именно от него, по легенде, умер Токугава Иэясу — основатель их рода и первый сёгун династии, которая правила Японией больше двухсот лет. Из-за последних событий это показалось Ёситаде забавным вдвойне.

— Ты так голоден, что думаешь о еде больше, чем обо мне?

Ёситада поднял голову и радостно улыбнулся, показав зубы. Узнал бы он Митоко, если бы встретил на улице?

---

¹ Темпура — популярное блюдо японской кухни из рыбы, морепродуктов и овощей, приготовленных в кляре и обжаренных во фритюре.

Нет, скорее всего, не узнал. И дело даже не в том, что ее голова и плечи были тщательно укутаны золотисто-зеленым шелковым платком, а половину лица закрывали зеркальные очки.

Когда он уезжал, Митоко была нескладным подростком, к тому же убежденным, что она — самая некрасивая девочка в мире. И у нее имелись все основания так считать. Если ему, мальчишке, рыжую шевелюру еще хоть как-то прощали, то для девочки такое было просто верхом неприличия. Особенно девочки из его семьи. Он хорошо помнил, как вырывал из ее рук ножницы, которыми она кромсала свои волосы прямо по отросшим золотистым корням, заливаясь слезами. Ведь тогда он поклялся себе, что никому не даст обиду свою маленькую сестренку.

Как так вышло, что ближе они стали именно тогда, когда их разделило полмира?

— Если бы ты не была моей сестрой — я бы сейчас ни о чем думать не смог. И говорить не смог, застыл бы соляным столбом от восхищения.

— Почему соляным? Почему сразу не сахарным? Я люблю сладкое!

Смех Митоко был нежный и мелодичный, даже у Ёситады по спине поползли мурашки. Очевидно, что смех, как и голос, ставили профессионалы. А она тем временем легко и небрежно сбросила с головы платок, открывая волосы, и опустилась в кресло напротив. И сняла очки. Безупречный макияж только подчеркнул зелень и глубину ее глаз. Ёситада не стал сдерживать восторженного вздоха:

— Ты самая прекрасная девушка на свете!

— Ты говорил то же самое, когда я была прыщавой, толстой и неуклюжей, как утка!

— Вот уж неправда! — возмутился Ёситада. — Никогда ты не была толстой!

— Ах, значит, прыщавой и неуклюжей была, да? — Митоко схватила меню и стукнула брата по голове.

— Нет! Тс-с, смотри, нам несут заказ. Выбери, что ты хочешь, я уже.